

Мэри Кушникова
Место в памяти: Вокруг старого Кузнецка
РОМАН О СИБИРСКОМ ОЛОТЕ

Леонид Петрович Блюммер, 1840–1887 гг.

Встреча. Весной 1980 года, побывав в Новокузнецке, как обычно встретила с Антоном Ивановичем Полосухиным, которого можно по праву назвать летописцем Кузнецка и которого считала и всегда буду считать своим учителем и примером для подражания. На сей раз он передал мне такую записку:

«В городе Кузнецке я лично давным–давно, еще будучи подростком, но уже комсомольцем, слышал от древних кузнечан–старожилов о человеке–писателе и революционере, сосланном царем в Сибирь на золотые прииски. Что этот ссыльный бывал в Кузнецке несколько раз и всегда останавливался на улице «Зеленой» (теперь улица Полосухина) в доме сапожника Жирихина. Старожилы, видевшие этого писателя–революционера, рисовали его как человека внушительного вида, красивого, богато одетого и общительного. Рассказывали, что его не любило полицейское начальство и вроде выживало из Кузнецка как человека подозрительного. Эти старожилы считали писателя–революционера ссыльным немцем. Некоторые говорили, что он невзлюбил местное полицейское начальство и ругал это начальство, а как–то даже прятался в бане у Жирихина от полиции.»

По всем описаниям старожилов полное впечатление, что этим человеком, писателем и ссыльным революционером и был Леонид Петрович Блюммер, который в своем романе «Алтай» остро разоблачал проделки верхушки полиции и купцов в Кузнецке.

Возможно что где-то в литературе и личных записках Блюммера и сохранились воспоминания о посещении Кузнецка. Из его романа «Алтай» это явствует». Антон Полосухин, 20.11.80.

С этой записки и началась для меня тема «Блюммер – забытое имя». Привлек именно намек на возможную документальность романа, название которого Антон Иванович чуть искажил.

Документальность, которая, думается, аргументировано подтверждается отзывом Ядринцева о романе (о чем – ниже), написанном близким, хотя бы по воспоминаниям юности, человеком. Документальность, которая, очевидно, давала о себе знать еще в пору побывок Блюммера в Кузнецке, описанных «древними старожилами», – не зря же «власти» выживали его из города за то, что он ругал их (в романе?), так что даже приходилось – прятаться от полиции...

Из некрологов, или – «люди 60-х». – Итак, сто пятьдесят лет назад в крепости Ениколе в Крыму, в семье кавказского офицера, – тамбовского дворянина и дворянской же дочери Ярославской губернии – родился мальчик с совершенно не русской фамилией Блюммер. Впоследствии его биографы станут искать корни рода Блюммеров, кто в Ирландии, кто в

Швейцарии (в кантоне Гларус), и сойдутся на том, что родной его дед служил адъютантом у Костюшко, а – двоюродный – был убит в Варшаве в чине генерала при восстании 1831 года, и что, в конце концов, род Блюммеров переселился в Россию.

Впоследствии судьба Леонида Петровича Блюммера самым причудливым образом, хотя и косвенно, сойдется с судьбой польских повстанцев, сосланных в Сибирь, но это будет много позже, – пока же чрезвычайно резвый мальчик учится в Симферопольской гимназии, учится блестяще, но, отчаянный сорванец, приводит в ужас домовладельцев, у которых квартируют Блюммеры, так что им нередко приходится сменять адреса – от квартиры им отказывают.

Во время Севастопольской войны пришлось перевести мальчика во 2-ю Харьковскую гимназию, но выходит он из 7-го класса – восемь человек детей, отец за растрату разжалован в рядовые, приходится взрослеть до поры. Впрочем, для юного Блюммера это не внове – со второго класса он уже давал уроки и в тринадцать лет считал себя человеком самостоятельным, – да и был им.

В 1856 году, мирно учительствуя в деревне Крутоярка Полтавской губернии, Блюммер послал свои первые журналистские опыты в «Одесский вестник». Маститые издатели – профессора Богдановский и Георгиевский более чем благосклонно приняли работы пятнадцатилетнего корреспондента – в 1857 году Блюммер, ободренный первыми

публикациями, поступает в Петербургский университет по Восточному факультету (ранее Китайско–Маньчжурскому).

Петербург принял юного Блюммера как «своего».

Год назад одним из руководителей журнала «Современник» стал Николай Гаврилович Чернышевский. Позиция его известна – в продолжение «неистовому Виссариону»: «Крестьянская революция, борьба масс за свержение старых властей». Молодежь к Чернышевскому льнет.

Молодежь, в ту пору, если и не «приравнивает перо к штыку», то уже ощущает силу слова как могущественного оружия.

Молодежь пишет и – надо представить! – ее необычайно легко печатают. В шестнадцать лет Блюммер – известный журналист. Он рьяно участвует в преобразовании журнала «Северная пчела», печатается в «Иллюстрации», «Петербургских ведомостях», «Искре», «Светописи», он – постоянный автор «Светоча». В семнадцать – издает отдельные работы «Хохлацкі співки» и «Чему могут служить лубочные картинки».

Притом – в 1861 году с блеском защищена степень кандидата прав в Московском университете, после чего Леонид Петрович уезжает за границу.

Все это – видимая, фактическая часть биографии. То, что потом напишут о нем посмертно профессор С. Венгеров («Критико–биографический словарь русских писателей и ученых», СПб 1892, т.3) и профессор Е. Бобров («Русская старина», июнь 1905 г.) – о безвременно ушедшем из

жизни 26 мая 1888 года в 47 лет «от разрыва сердца или солнечного удара» литераторе и журналисте Леониде Петровиче Блюммере, подчеркивая, что при блестящем даровании и работоспособности – опубликовал более двух тысяч статей, рассказов, критических работ – «он мог бы занять видное место в русской литературе в качестве или беллетриста или критика, но для этого нужно было всецело отдаться одному делу, нужно было посвятить себя одной литературе... этого и не смог сделать Леонид Петрович. Ему вредило чрезвычайное богатство и разнообразие способностей».

«Люди 60-х годов вообще как-то скоро перегорали, оставив по себе сравнительно немного...» – заключает свой очерк автор, профессор Е. Бобров.

Итак – «люди 60-х...».

Итак – «посвятить себя одной литературе...».

Мог ли – Блюммер? А Чернышевский? Писарев, Белинский, Михайлов?

«Гнездо на Садовой улице». – ...В конце 50-х годов в Петербург приезжает Антонина Петровна Блюммер. Возможно, потому, что там находится ее юный брат – она все-таки старше на четыре года, она за ним присмотрит. Может быть, такая мотивация отъезда обсуждалась в семейном кругу и убедила родителей.

Провинциальная девица двадцати двух лет от роду, одна из первых петербургских женщин посещает открытые лекции в университете. Она же

– завсегда́тай шахматного клуба, который слы́л легальным радикально–политическим клубом петербургской интеллигенции. Брат, уже известный литератор, презнакомил ее с М.Л. Михайловым, П.Л. Лавровым, Н.Г. Чернышевским. Вскоре у Антонины Блюммер образовался своего рода «литературно–политический салон», соперничавший по значимости с кружками сестер Корсини и Н. Суловой. У Антонины Блюммер собирался цвет русской мысли: Д. Писарев, Н. Утин, Н. Серно–Соловьевич – ее гости и друзья. И, конечно же, – Леонид Петрович Блюммер. Здесь, в доме у Антонины Петровны, вырисовываются «невидимые» – до поры – стороны его биографии: революционные связи и радикальные настроения.

В 1861 году Л. Блюммер уезжает за границу.

В 1862 году Антонину Блюммер арестовали. При рассмотрении ее дела – все припомнилось. И что она одна из первых пошла учительницей в Васильевскую воскресную школу, и что она была среди самых приметных фигур «Общества петербургских воскресных школ», и что вместе с Аверкиевым и Гайдебуровым вела отдел «Вестника воскресных школ».

Словом, образ жизни «нигилистически настроенной девицы Антонины Петровны Блюммер III–е отделение шокировал. У нее бывали экстремисты революционного движения той поры – П.Г. Зангилевский и П.Э. Аргиропуло. И вообще – «квартира Блюммер на Садовой улице является местом собрания всех тех лиц, которых можно было более или менее подозревать в распространении революционных идей». Этакое гнездо

инакомыслящих, словом. Власти не ошибались. Как только стало слышно о возможном аресте поэта–революционера Михайлова, Антонина Блюммер явилась к нему – она готова спрятать его у себя в доме, а потом препроводить за границу. Спрятать Михайлова она не успела...

Это была пора, когда арестован и помещен в Петропавловскую крепость Н.Г. Чернышевский.

Это была пора, когда судьба уже подбирала нити для некоего витка, который, – пусть косвенно, – соединит на одной странице истории имена Чернышевского, Л. Блюммера, ссыльных кузнецких поляков и завсегдаев «салона» Антонины Блюммер, многие из коих были членами Петербургского землячества сибирских студентов...

В мае 1862 года Антонину Блюммер выслали из Петербурга на поруки к отцу, под его строгий надзор. За распространение нескольких сот подпольных листовок «Великоросс». В том же году арестован писатель Н.И. Наумов, еще один из «гнезда на Садовой улице». Впрочем, – в Петербург Антонина Блюммер вернулась невольно. И – ненадолго.

Обратимся, однако, в дальние края, куда за год до ареста сестры отправился кандидат прав, литератор Л. Блюммер. Возможно, предвидя, как развернутся события и дела, – а может, имея поручение, – вести в эмиграции работу, которая уже стала невозможной в России. Предположение вполне оправданное, – в 1863 году в Берлине он основал газету «Весть», в Дрездене – «Европу» и в Берлине же, а потом в

Брюсселе – «Свободное слово» – русский политический орган – три его выпуска составили целый том в 59 страниц. Радикальностью, очевидно, первый том не отличался – А.И. Герцен программу органа посчитал написанной «примирительным, прогрессивным и независимым стилем». И именно потому, очевидно, «успех такого органа нам кажется несомненным». Еще через год Блюммер состоял сотрудником Герцена («был одним из «звонарей» в «Колоколе»). Впрочем, – вскоре Блюммер с Герценом разошелся.

В 1864 году в Петербурге состоялась гражданская казнь Чернышевского с последующей ссылкой в Сибирь. В обвинении фигурировали не только «приготовления к возмущению», но и контакты с Герценом.

В 1865 году Блюммера повелительно вызывают в Россию. Вызывают власти. Следует суд, каторга и ссылка на десять лет.

Откроем скобку. – Только что, в августе, скончался на Кадайнском руднике поэт, лирик, переводчик Гейне, автор романа «Перелетные птицы», Михаил Ларионович Михайлов, завсегда «салона» Антонины Блюммер. Один из тех, по мнению последующих благополучных биографов, которые «быстро перегорели, не посвятив себя только литературе».

Осужденный в роковой для революционно настроенной молодежи 1861 год к шести годам каторги, Михайлов не успел отсидеть присужденного срока, но успел составить с Н.В. Щелгуновым и распространить

революционную прокламацию «К молодому поколению». Еще он успел написать «Послание узника»:

А здесь и стих мой не клеится,

И в сердце жалобы одне...

Я не балованная птица,

А не поется в клетке мне.

И – предсмертные стихи:

И за стеной тюрьмы – тюремное молчанье,

И за стеной тюрьмы – тюремный звон цепей,

Ни мысли движущей, ни смелого воззвания,

Ни дела доброго в стране моей!

Как не сказать здесь, что судьба литературного наследия Михайлова сложилась печальнее, чем у Блюммера. Имя его оказалось под запретом. В 1867 году стихи его были изданы, и тотчас же весь тираж уничтожен. В 20–х годах нашего века о нем вспомнили. Ненадолго. Так же как и о Блюммере, имя которого последний раз всплыло в памяти потомков в 1940 году к столетию его рождения. В Сибири, – чтобы сказать, что первый роман о сибирском золоте написал именно он. Роман, который с 1885 года до сих пор так и не переиздавался...

Однако вернемся в год 1865–й. Итак, суд над Блюммером. состоялся, и в 1866 году он отправился в ссылку. Впрочем, – после полутора лет

заклучения, хоть и лишенный всех прав, Л. Блюммер остается в Сибири, но уже в качестве ссыльного. И всего на четыре года. Но эти годы, когда Блюммер служит на частных золотых приисках в кузнецкой и алтайской тайге, сделали его литератором.

Первый роман о сибирском золоте написал не Н.И. Наумов («Еж», 1873 г.), не Д.П. Мамин–Сибиряк («Золото»), не В.М. Михеев («Золотые россыпи»), а именно Л. П. Блюммер, который, вернувшись из ссылки «по всемилостивейшему прощению», уже в 1871 году, напечатал в журнале «Заря» фрагменты романа «Около золота», а затем отдельным изданием, под названием «На Алтае», и весь роман. Сибири он посвятил также и рассказы «Фальшивая бумажка» и «Слуга».

Но прежде чем более подробно коснуться первого российского романа о сибирском золоте, а точнее о «Кузнецком золотое» – ибо действие романа разворачивается именно в Кузнецке и Барнауле – обратимся в год 1866–й.

Год – фатальный. – В Сибири с 1862 г. находится Берви–Флеровский, с 1864 пребывает Наумов, в Сибири же – Чернышевский. Давно арестованы Н.А. Серно–Соловьевич и Д.И. Писарев. В 1866 году вновь – и теперь надолго – попадает под надзор Антонина Блюммер, в ссылку отправлен ее брат Леонид Петрович! И... в этом же году готовится побег Н.Г. Чернышевского из Сибири.

Когда наталкиваешься на такие роковые даты, которые аккуратно «подбирают» обоймы друзей, родственников, единомышленников, невольно

ищешь – помимо общего исторического фона – единый мотив, возможную зацепочку, «крючок», связующий их судьбы и толкнувший их в некое общее русло.

Исторический фон – революционный подъем начала 60-х годов, аресты, ссылки. Польское восстание 1863 года, после подавления которого в городах Сибири появились колонии ссыльных поляков, потомки которых бытуют в нашем крае по сей день.

И – 1866 год. Когда уже кажется «подчистую» ссылают цвет прогрессивной Петербургской и Московской интеллигенции...

Вспомним: 4 апреля 1866 года последовало неудачное покушение Каракозова на Александра II.

И – незадолго готовится побег Чернышевского из Сибири. Побег, который сорвался.

Оба события связаны со знаменитым революционным молодежным кружком Н.А. Ишутина в Москве и его «филиалом» в Петербурге. Ишутинцы уже имели опыт в организации побегов – так был освобожден польский революционер Ярослав Домбровский из Московской пересыльной тюрьмы. Отсюда – тесные связи с польским революционным подпольем в Москве. А поскольку оно, в свою очередь, связано с сибирскими ссыльными поляками, то в студенческой непримиримо-революционной связке оказываются и студенты Петербургского сибирского землячества. Многие из них – добрые знакомые блюммеровского гнезда.

Итак – готовится очередная акция: побег Чернышевского. К той поре Иштуин уже близко сошелся с петербургскими «сибиряками» – с Иваном Алексеевичем Худяковым, сыном декабриста Анненкова, уроженцем Кургана.

Откроем скобку. – Худяков учился в Тобольской гимназии, затем в Казанском и Московском университетах. За участие в студенческих волнениях из университета исключен и переезжает в Петербург. Одаренный юноша в 19 лет успел издать несколько книг по русскому фольклору, которыми специалисты пользуются и сегодня. По делу Каракозова (а друг Худякова Иштуин – Каракозову приходится двоюродным братом) отбывает ссылку в Верхоянске, где, подобно Радищеву, «оставался тверд мыслью» – изучал язык, культуру и быт аборигенов населения. Но – надолго ли хватит «алмазной твердости» деятельному уму в климате постоянного попрания человеческого достоинства и полной отторгнутости от общественного бурления, свойственного той потере?

В 1876 году Худяков, тридцати четырех лет отроду, умер умалишенный в Иркутской больнице. Но все это случилось потом, много позже...

Землячество. – пока же юный Худяков появился в Петербурге в 1862 году. Поселяется, конечно же, со студентами–сибиряками: Н.И. Наумов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, публицист–сибиряк Г.З. Елисеев – его друзья. Пока их имена еще ничем не примечательны, но они полны дерзаний,

знакомятся через Николая Ишутина с новыми руководителями «Земли и воли», П.П. Княжнинским, Л.Ф. Пантелеевым и Н.И. Утиным. Наумов и Утин – завсегда таи у Антонины Блюммер, которая возвращается после первой ссылки из–под папенькино надзора. Так завязываются первые сибирские узелочки в биографии будущего автора первого романа о сибирском золоте, хотя он, как мы уже знаем, в это время пребывает за границей.

Одним из примечательных сибиряков этой дерзновенной плеяды был Георгий Захарович Елисеев, сын священника, уроженец Томской губернии. В Петербурге он появился одновременно с Л.П. Блюммером в 1858 году. Как и Блюммер, сотрудничал в «Современнике», как и вся мыслящая петербургская молодежь восхищался Рахметовым и поклонялся Чернышевскому.

Откроем скобку,– и сообщим, что Елисеев был, в отличии от многих своих друзей, удачлив. После «дела Каракозова», попав в Петропавловскую крепость, освобожден за отсутствием улик, хотя к дерзновенной акции, о которой ниже, имел самое прямое отношение.

Неудавшийся побег. – План побега Чернышевского был разработан в 1865 году (не оказался ли среди ишутинцев провокатор – не напрасно же вдруг вызывают в Россию Л.П. Блюммера из–за границы?). инициативная группа подобралась из московских студентов. Руководитель – Н.П. Странден. Худяков – «ведущий» заговора, его душа. В Сибирь собирались

выехать весной 1866 года (заметим, – Блюммера, дальновидного Блюммера, который из «гнезда на Садовой» предусмотрительно успел уехать в Европу в 1861 году, именно сейчас, в 1866–м, ссылают на сибирскую каторгу...).

Кто мог подать такую идею? Думается, именно Георгий Захарович Елисеев, ближе всех знал Чернышевского и, как сибиряк, притом томич, мог располагать разветвленными связями с ссыльными поляками – как известно, особенно много их оказалось в Томске, Кузнецке и Иркутске. А как было обойтись при осуществлении дерзкого плана без революционно настроенных кругов Сибири? Многие «петербургские сибиряки» к этому времени вернулись в Сибирь и даже успели организовать «Общество независимости Сибири», вплоть до ее отделения от России. Идеологами движения были и оставались долгие десятилетия Н.Г. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков. Эти имена встретятся нам в переписке братьев Булгаковых – томских гимназистов, они же мелькнут на жизненной стезе сибирского художника В.Д. Вучичевича, о чем рассказано в этой же книге.

Пока же, к моменту задуманной акции, «сепаратисты» оказались в парадоксальной ссылке: дальше Сибири сослать некуда – их отправили на Русский Север, в Архангельскую губернию...

Однако во многих сибирских городах оставались единомышленники. Сын иркутского купца Н.Н. Пестерев, высланный из Москвы за

студенческие вольнодумства, мог помочь замыслу: установить связи, снабдить деньгами. Немалые надежды возлагались и на сибирских ссыльных поляков – сочувствие Чернышевского национально-освободительному движению Польши было общеизвестно. С видным польским революционером Зигмундом Сераковским, офицером Генерального штаба и руководителем подпольной организации в Петербурге, Чернышевский был близко дружен. Настолько, что Сераковский и послужил прототипом для Соколовского из романа «Пролог», написанного на Александровском заводе. На Кадайнской каторге тоже было немало польских повстанцев – у Чернышевского с поляками сложились прочные связи.

Худяков, «душа акции», как уже было сказано, решил действовать через подпольные польские связи. Так от гнезда Блюммеров на Садовой улице к ссыльным сибирским полякам, – для предков Блюммера чуть не братьям по крови – потянулась первая ниточка.

В феврале 1866 года Худяков составил в Сибирь рекомендательные письма, добыл фальшивые паспорта, симпатические чернила, надежную краску для волос.

Известны и польские адресаты этих писем. Доктор Владимир Вышинский, известный в подполье как Александр Выга, обитал в Тобольске под надзором полиции. Второй – Казимеж Кухарский, уроженец Ковенской губернии, студент петербургского университета, участник

студенческих выступлений 1861 года, сражался в отряде З.И. Сераковского. Кухарский отбывал ссылку в Кузнецке, контактировал с польским подпольем в Томске и других городах Сибири. Так, Кузнецк мог стать местом передышки для Чернышевского при переправке его на Запад. Один из братьев или родственников Кухарского находился на Кадайнском руднике – тоже немаловажное обстоятельство для участия в побеге Чернышевского.

Итак, Кузнецк уже маячит на «контурной карте» биографии Л.П. Блюммера. В Кузнецке – ссыльные поляки, которых Блюммер, возможно, еще не знает (хотя при обширных связях Блюммеровского дома на Садовой...). Но предки Блюммеров, как уже было сказано, еще со времен Костюшко были преданы «польскому делу», что доказывали с оружием в руках и даже ценой собственной жизни.

Во всяком случае, Л.П. Блюммер никак не ведает, что именно Кузнецк сыграет важную роль в его становлении, как литератора, но в его жизненный узел вплетается именно Кузнецк, с которым судьба Блюммера исподволь и столь разными нитями связана...

Впрочем, в Кузнецке находится еще и Л.Т. Самарин, который за участие в польском восстании 1863 года отправлен в Томский батальон и отбывает солдатскую повинность в кузнецком гарнизоне. Возможно, Худяков рассчитывал и на него. Возможно, что много позже Л.П. Блюммер, служивший на золотых приисках в Кузнецке, Самарина знал...

Побег Чернышевского не удался. Отыскалось и имя провокатора – Ю. Сулинского. В феврале 1866 года, – фатального года, – повальные аресты обрушились на бурлящее студенчество Петербурга и Москвы. Л.П. Блюммер отбывает на каторгу и ссылку в Сибирь, его сестра вновь арестована, как уже было сказано.

Что стало с рекомендательными письмами? Их обнаружила следственная комиссия по делу Каракозова в доме Ишутина. Над ним нависла смертная казнь, последовало помилование, если таковым можно считать одиннадцатилетнее одиночное заключение в Карийской каторжной тюрьме. Как и Иван Худяков, Ишутин последние два года находился в острейшем психическом расстройстве. Избежал и смертной казни и Н.П. Странден, который должен был доставить письма польским адресатам, но был сослан в Александровский завод Нерчинской каторги. В 1884 году – помилован и возвращен в Европу.

Откроем скобку, – добавив, что Антонину Блюммер от более серьезных последствий в тот роковой год 1866–й спасает брак. Она выходит замуж за известного ветеринарного врача Григория Львовича Кравцова. Сменив свой социальный статус, она отнюдь не изменила своих убеждений, и петербургский дом Кравцовых достойно продолжил традиции гнезда на Садовой улице. В доме Кравцовых бывали лучшие умы Петербурга, среди которых Г.А. Лопатин, П.Ф. Якубович и будущий биограф Блюммера, – С.А. Венгеров.

После смерти мужа, человека просвещенного, знатока литературы, собирателя автографов, Антонина Петровна покидает столицу и с дочерью едет в Воронеж. Дом ее называют «штаб-квартирой» высланных студентов: народовольцев (среди них – Вера Фигнер), большевиков, членов «Молодой партии народной воли» (среди них – В.Д. Дмитриев). Старый большевик И.В. Шауров называл ее «неутомимым борцом за освобождение России от гнета царизма».

... А Леонид Петрович пребывал в сибирской ссылке и писал роман.

Кузнецкое золото. – Действие романа «Около золота» Л.П. Блюммер разворачивает в «Западной Сибири в отрогах Алтая, не слишком далеко от Китайской границы», где расположен небольшой городок Ковальск. Ковальск – псевдоним Кузнецка, точно также как под Багулом скрывается Барнаул. Действие – увлекательное, даже детективное, тем, более, что происходит на фоне дремотно-патриархального обывательского быта. Л.П. Блюммер весьма точен. В описаниях житья-бытья города Ковальска свободно могли бы вплестаться целые абзацы и главы о Кузнецке из «Положения рабочего класса в России» Берви-Флеровского, равно многие характеристики и коллизии из сибирских рассказов Наумова органично срастаются с персонажами и наивно-преступными ситуациями из романа Блюммера. «Наивную преступность» – плод невежества и спячки души – порождает сама среда, «где об интеллектуальной жизни не было и помина... исправник обдирал инородцев, горный управитель – вверенных

ему крестьян, городничий сидел в своем правлении... все это жило очень просто, в домах, иногда не отличавшихся по наружности от крестьянских, ездило в крестьянских санях, в воскресенье появлялось на базаре в нагольном тулупе и валяных сапогах, а затем пило и пило...» (Берви-Флеровский). И все это в богатейшем крае, где к тому же – золотая лихорадка. И – последовательная иерархия мелкого тиранства и покорного неосознанного рабства. «Пока крестьянина можно будет наказывать телесно, не только по суду за важные преступления, но и за маловажные – за бедность, до тех пор он будет раб в душе, он будет чувствовать себя жалким, униженным парием, чувство собственного достоинства будет для него не доступно... Жертва беспощадного унижения, он держит в таком же рабстве свою жену и все свое семейство и воспитывает детей, всасывающих с молоком матери раболепие и пороки». Все это – о Кузнецке. И именно той поры, когда Блюммер населяет его своими «героями».

Роман «Около золота» задуман был как своего рода энциклопедия сибирской жизни за полвека. Первая часть описывает быт и нравы 30-х годов XIX века на Алтае (Ковальск), вторая – 40-е годы в енисейской тайге, третья переносит действие в Томск 60-х годов, четвертая – в Иркутск десятью годами позднее. Но Блюммеру удалось завершить только первую часть – вполне законченную по замыслу и сюжету. Наумовские сюжеты («Еж», «Паутина») бледнеют перед неторопливой «хроникой

ужасов», подспудно сплетающейся под сенью патриархальнейшего и мирнейшего Ковальска.

...В речной проруби казак Сидоров находит труп младенца. Следствие ведет поднаторевший в темных делах сограждан городничий. Оказалось, что утопленный младенец – сын казначейской дочери Софьи Переченко. Щекотливая ситуация – на базарной площади ежедневно и ежечасно встречается чиновничий «свет» Ковальска. Городничий хорошо знает уездного казначея Василия Максимовича. Наслышан и о том, будто Переченко соблазнился предложением купца Зубова купить краденое золото с казенных приисков, причем на деньги, «одолженные» у казначейства. Последовал донос. Ревизия. Переченко грозит каторга. Он продает свою дочь Софью приказчику по откупам Хлютикову, бывшему претенденту на ее руку, которому было презрительно отказано.

Второй слой действий помещен Блюммером в Барнаул (Багул). Кто же продает золото Ковальским купцам? Багульский управляющий казенным золотом Ястребов, бонвиван и картежник. И какие же «роскошные картины» быта и нравов багульского бомонда приводит Блюммер, так тесно перекликаясь с Достоевским, который барнаульский высший свет знал «при ближайшем рассмотрении» – нередко бывал у начальника Алтайских заводов, полковника А.Р. Гернгросса, знаком был со всевластным владельцем богатейших приисков маркизом де Траверсе ...«О барнаульских я не пишу Вам. Я с ними со многими познакомился,

хлопотливый народ, и сколько в нем сплетен и доморощенных Тайлеранов»), и не их ли сколки находим мы в образах Багульских магнатов Блюммера; не супругу ли Гернгросса имеет в виду автор, поминая о некоей даме с немецкой фамилией, которая посылает почтой мыть носовые платки аж в Париж. Равно, не отголоски ли виденного Берви–Флеровским в багульской разгульной жизни? Золотая лихорадка порождает свой способ жизни – «Прежде это общество глохло и только, оно потопляло свои потребности в вине, убивало свое время за картами; теперь оно действовало под влиянием жгучей страсти, которая доводила его до болезненных ощущений. Чванство, властолюбие, желание возвыситься роскошью, страсть к удовольствиям пучили и заедали его». Напомним: Блюммер, Наумов, Берви–Флеровский знавали Кузнецк и Барнаул всего лишь несколькими годами позднее Достоевского. И если от Наумова мы узнаем, что «нигде так не развита система закабаления рабочего, как на приисках, где весь свой летний таежный труд работник выносит в очистку лишь несколько рублей («Еж») и даже эти гроши оставляет в кабаке – «Ты робишь, робишь, жисть кладешь, а все ты нищий, а другой за твое здоровье, сложа руки, в прохладе живет. Неужто так должен жить человек?» («Паутина») – то Блюммер намного раньше повествует в своем романе о рабочем Николае Гурине, который, опираясь на рабочих, пытается противостоять казнокраду Ястребову и его приспешнику уряднику Сунгурову и, конечно же, тяжбу проигрывает.

Осужденный быть «запоротым до смерти», Гурин, испытав унижение куда более горькое, чем порка, – Ястребов заставляет его съесть, «сжевать» несколько страниц жалобы, адресованной в высшие инстанции, и, конечно, отправленной на рассмотрение обидчикам, – отчаявшись, стреляет в Ястребова, но убивает прибывшего из Барнаула в Кузнецк ревизора, и сам умирает на руках у своего друга, рабочего Фролова.

Истина «не во благо». – Очевидно, роман Блюммера был в большой мере документальным – не случайна столь тесная перекличка с публицистикой Берви–Флеровского и с почти что документальными рассказами Наумова. Более того, – лет пятнадцать назад мне попался подлинный документ 1855 года, найденный в Тисуле (золотые и серебрянные прииски), – «Дело окладного поселенца Ивана Федорова», бежавшего с приисков маркиза де Траверсе и тщетно славшего ему жалобы на управляющих, надзирателей и прочий сонм мелких своих мучителей. Избитый лозанами (розгами) Иван Федоров, «по причине ломоты в голове вследствие побоев», работать не может и просит его освободить с выдачей «билета», то есть «вольной». Дело не доведено до конца, и мы уже никогда не узнаем, как повернулась лютая судьба окладного поселенца Федорова. Но одиннадцать страниц упомянутого «дела» – готовый рассказ, под которым мог бы подписаться Наумов, или – глава, которую Блюммер органично мог бы ввести в свой роман «Около золота».

О документальности романа говорит и другое обстоятельство. В 1885 году, когда он был полностью опубликован (вернее, первая его часть) под названием «На Алтае», как ни странно, резко критически отозвался именно Н. Ядринцев, бывший единомышленник Блюммера поры сибирского студенческого землячества. Впрочем, – странно ли? Сепаратистская идея «областников» предполагала и немалую долю идеализации Сибири, ее обитателей и патриархально–соборных отношений между ними. Роман Блюммера изрядно сдувал сусальную позолоту с такого идиллического представления об едино–патриархальной Сибири, и документальность повествования и ее героев, или хотя бы части их, – тем более при возможной узнаваемости (а если кто–либо из них здравствовал в Кузнецке и барнауле – сибиряки народ крепкий!), – немало навредила бы деятельности Ядринцева и Потанина. Так или иначе, сказаны суровые слова о «ловких романах заезжих пенкоснимателей и ташкентцах–цивилизаторах». О «вредной» документальности романа «На Алтае» говорит и то, что о другой работе Блюммера, – об очерке «Путешествие в места не столь отдаленные», – Ядринцев отозвался восторженно. Открывая скобку, – заметим, что именно с легкого пера Блюммера и вошли в наш обиход «места не столь отдаленные», – выражение еще до недавних пор таившее весьма тревожный смысл.

Действие романа отнесено к 1836 году – но написан роман в куда более позднюю пору, так что прототипы героев, вероятнее всего, персонажи

реальные, а может, еще и пребывавшие у власти – чиновная братия на местах сидит подолгу, до почетного выхода в отставку.

Сам стиль романа – скорее публицистика. Описание некоего реального случая, свидетели которого скорее всего еще живы в Багуле и Ковальске (Барнауле и Кузнецке) к моменту издания книги. Да и детали «детектива» столь мелко–шулерские, что не могли не запомниться. Чего стоит пачка казначейских банкнот, приготовленная для «сделки», в которой ассигнации переложены аккуратно вырезанными по размеру листками бумаги; или скандальный момент, который, конечно же, всполошил Кузнецк и, конечно же, не забылся: осмотр незамужних девиц повивальной бабкой для установления той, которая, родив незаконнорожденного младенца, могла утопить его в проруби; приведенные в романе главы «У телеутов», «У поляков» – живые, почти этнографические описания с прототипов. Не добрых, не злых – реальных.

Несомненно, гнев «сепаратистов» должна была вызвать глава «У старообрядцев», где бесцеремонно сняты покровы с мнимой святости «божьего человека» и затворника, – помилуйте, где же благодать, которую принесли в Сибирь ревнители истинной древней веры!.. Не лучшим образом выглядит и одна из героинь, тоже преданная и проданная Оленька, которая, побывав у старообрядцев и приглядевшись ко многим обманам, охотно превращается в мать Елену, мечтающая о своем монастыре, где ее ожидают диктаторские почести.

Добыть книгу «На Алтае» по МБА оказалось нелегко. Но наконец, вот она передо мной, когда очерк почти что закончен. Изящными буквицами отделены главы, шрифт достаточно крупный, удобный для чтения. С первых же страниц чередуются сюрпризы. После первого листа, сообщающего, что книга Л.П. Блюммера «На Алтае» издана в С. – Петербурге в 1885 году типографией В.С. Апостолова на Фонтанке рядом с Аничковым дворцом, следует второй – с новым сюрпризом: почти не выцветшими чернилами автограф: «Русскому поэту Сергею Аркадьевичу Андреевскому. СПб 20.V. 85. Блюммер».

На титульном листе: «Посвящается Юл. Вас. Буткеевой».

И – наконец, под названием первой главы «Город Ковальск и его благоденствие» – эпитафия, он же главный сюрприз:

Tutti e vero verissimo,

Lettore mio carissimo.

Эпитафия на итальянском, который в Ковальске и даже Багуле прочитает, а тем более поймет, не каждый и который означает:

«Все здесь правдивейшая правда,

Дражайший мой читатель».

Похоже, эпитафия рассчитан именно на широкого, но непровинциального и просвещенного читателя, которому адресовано правдивое описание одного из, очевидно, нашумевших казусов на Колывано–Воскресенских

приискал, и где? – в тишайшем Кузнецке...

Стало быть, автор как бы сам подтверждает документальность описанной истории, и, значит, наши предположения оказались верными. Было, было отчего не любить Блюммера в мирнейшем Кузнецке, как свидетельствует А.И. Полосухин.

В «Русской старине» за июль 1905 года – превосходный портрет Блюммера: благородный полноватый человек с окладистой бородой, в пенсне. Черный фрак, белая крахмальная сорочка. «Одним из наиболее оригинальных лиц 60–х годов бесспорно является тот, кому посвящен этот очерк, – пишет профессор Е. Бобров, – Л.П. Блюммер, бывший то журналистом, то эмигрантом–революционером, то ссыльным, то беллетристом, то публицистом, то адвокатом и дельцом»...

«Археологический объект». – Что современники оценивали Л.П. Блюммера неоднозначно – это неудивительно. Такая многогранность, а, главное, плодовитость беллетриста – одних его псевдонимов набирается с десяток – в конце жизни ставшего вполне благополучным человеком – преуспевающий адвокат, журналист, корреспондент газет «Дон», «Листок», «Дневник», в Саратове женился на дочери генерала, вторым браком – на дочери саратовского купца, и опять же – «богато», – вряд ли нравились С. Венгеру, знавшему Блюммера по революционному его прошлому, и посещавшего дом Антонины Блюммер–Кравцовой. Равно сдержанно пишет он и о заграничном периоде Блюммера: «О заграничной Блюммера

деятельности в качестве «революционного» журналиста составлялось весьма двусмысленное представление»...

Гораздо удивительнее, что к столетию рождения Блюммера в 1940 году авторы нескольких заметок о нем в новосибирских и иркутских публикациях упорно подчеркивают, что в романе «Около золота» «лубочная уголовщина переплетается с яркими, порой бытовыми картинами», конечно же, с упором на то, что советскому, де, читателю «интересны не уголовные истории из быта старых сибирских горных чиновников, а описание быта рабочих на казенных золотых приисках». Ибо Блюммер описал с натуры издевательства «начальства» над рабочими и пробуждение в рабочих чувства солидарности, выразившееся в попытке устройства «бунта».

...Яркие картины старого сибирского рабочего быта спасают роман Блюммера от забвения советскими читателями», – считают авторы тех лет.

...Уж будто бы? – хочется возразить публикациям полувековой давности. От забвения имя Блюммера не спасло ничто. Работы его с 80-х годов прошлого века, как уже было сказано, так и не переиздавались (за исключением фрагментов романа, опубликованных в Иркутске в 1939 году, – «юбилейного свойства» и соответствующей идейной направленности).

Притом, надо полагать, не только описания рабочего быта заинтересовали бы сегодняшнего сибирского читателя в романе «около золота», а именно документальность изображения «общественного

климата» Кузнецка и Барнаула, возможность вписать имя Блюммера в один ряд с Наумовым, Берви–Флеровским и – дерзнем сказать – даже Достоевским (по части описания сибирского провинциального чиновничьего быта). Ведь в романе «Дядюшкин сон» мы находим же немало персонажей, которых «живьем» описывает Наумов по равно знакомым ему и Достоевскому прототипам.

Не пора ли вспомнить о призабытых сибирских писателях сейчас, когда так называемая «провинциальная культура» загадывает историкам все новые загадки и сулит немало блистательных находок.

«Провинциальная культура», тем более в нашем регионе, думается, являет собой «археологический объект», надежно и варварски закамуфлированный в течение не менее полувека от историков культуры ревнителями бескорневой новизны, оказавшейся столь зыбкой и непрочной, именно ввиду лишенности питающих корней.

Сколько «забытых имен» сулит такая археология, – впрочем, забытых ли? Скорее завуалированных все теми же ревнителями «дня сегодняшнего и только сегодняшнего». О многих таких именах в течение последних нескольких десятилетий мелькали редкие и робкие публикации – среди них видное место занимают статьи А.И. Полосухина в самые неблагоприятные для исторической памяти годы.

И в этой книге автор еще и еще раз низко поклоном благодарит тех, кто своими публикациями той «доархеологической» поры наталкивал на

имя, событие, ассоциативный мостик.

Думаю, недолго настанет «час краеведа», когда провинциальные «археологи культуры» перестанут казаться такими чудаками–одиночками, у которых «хобби: все ищут, все копают»...

Впрочем, может, «час краеведа» уже и настал?

1990 г.